УДК 340.1
DOI: 10.17072/2619-0648-2026-4-40-58
https://elibrary.ru/pojsgk

EDN POJSGK

Основные антиномии принципа верховенства права

А. Г. Матвеев

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права,
кафедры теории и истории государства и права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: la-musica@yandex.ru

Аннотация: *сегодня практически во всем мире одним из самых неоднозначных и влиятельных политико-правовых принципов является доктрина верховенства права. Однако академическое знание о данном принципе весьма противоречиво. Стремительная пролиферация теорий и интерпретаций верховенства права ведет к размытию нормативного ядра этого понятия. Рациональным решением представляется репрезентация основных антиномий, в поле которых функционирует дискурс о верховенстве права. Цель – выявление и теоретико-правовой разбор основных антиномий принципа верховенства права. Методологию исследования образует комплекс философских, общенаучных и частнонаучных методов познания: 1) всеобщий диалектический метод и метод критической философии И. Канта; 2) анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация; 3) историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и герменевтический методы. Идеи А. Дайси о верховенстве права оказали влияние на мышление*

© Матвеев А. Г., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

ученых и судей Великобритании. Однако со временем они столкнулись с резкой академической критикой. По мере расширения дискуссии выдвигались различные все более и более противоречивые концепции, пока в конце XX века не наступил момент, когда некоторые ученые усомнились в том, имеет ли выражение "Rule of Law" вообще какой-либо смысл. В настоящем исследовании выявлены и раскрыты основные антиномии принципа верховенства права: 1) антиномия наличия/отсутствия определенности и академического консенсуса в том, что представляет собой содержание верховенства права; 2) антиномия взглядов относительно соотношения доктрин верховенства права и правового государства; 3) противоречивость понимания верховенства права в международном праве; 4) антиномия формальной и материальной теорий.

Ключевые слова: *верховенство права, правовое государство, принцип, антиномия, формальная теория, материальная теория, международное право*

The Fundamental Antinomies of the Principle of the Rule of Law

A. G. Matveev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: la-musica@yandex.ru

Abstract: *today, the doctrine of the rule of law is one of the most controversial and influential political and legal principles practically worldwide. However, academic knowledge of this principle is quite contradictory. The rapid proliferation of theories and interpretations of the rule of law leads to the erosion of the normative core of this concept. A rational solution seems to be the identification and representation of the main antinomies within which the discourse of the rule of law operates today. Purpose: to identify and provide theoretical and legal analysis of the main antinomies of the principle of the rule of law. The research methodology includes a complex of philosophical, general scientific and specific scientific methods of cognition: 1) general dialectical method and the method of critical philosophy by I. Kant; 2) analysis, synthesis, induction, deduction, classification; 3) historical legal, comparative legal, formal legal, and hermeneutic methods. A. Dicey's ideas on the rule of law have influenced the thinking of British scientists and judges. However, over time they faced harsh academic criticism. As the debate expanded, various increasingly controversial concepts were put forward, until, in the late 20th century, a point was reached at which some scholars began to doubt whether the expression "Rule of Law" had any meaning at all. This study identifies and explores the main antinomies of the rule of law principle: 1) the antinomy of the presence/absence of certainty and academic consensus on the content of the rule of law; 2) the antinomy of*

views regarding the relationship between the doctrines of the rule of law and the legal state; 3) the contradictory understanding of the rule of law in international law; 4) the antinomy of formal and substantive theories.

Keywords: *rule of law, legal state, principle, antinomy, formal theory, material theory, international law*

Идеальное устройство общества и государства находится в фокусе размышлений мудрейших представителей человечества как минимум на протяжении последних двух с половиной тысяч лет. Сегодня практически во всем мире одной из самых неоднозначных, популярных и влиятельных теорий такого рода является доктрина верховенства права (*Rule of Law*). По своему происхождению верховенство права – это англо-саксонская политико-правовая доктрина, зарождение которой связывается с принятием в 1215 году Великой хартии вольностей, а теоретическое формулирование – с трудом А. В. Дайси «Введение в изучение конституционного права», впервые опубликованным в 1885 году[1].

Однако с тех пор в политико-правовом устройстве мира и его теоретическом осмыслении очень многое изменилось. И последние восемьдесят лет эти изменения сопровождаются невероятным взлетом популярности принципа верховенства права. Он нашел отражение в многочисленных международных и национальных правовых актах, в конституциях стран, далеких от англо-американской традиции права, наконец, в научных исследованиях, число которых неуклонно растет. Профессор Б. Таманаха точно заметил, что это кажущееся единодушие в поддержке верховенства права – беспрецедентное достижение в истории: «Ни один другой политический идеал никогда не получал всемирной поддержки... Факт остается фактом: государственные чиновники во всем мире выступают за верховенство права и, что не менее важно, никто из них не осмеливается демонстративно отвергать его»[2]. Р. М. Аллалыев приводит данные, согласно которым в англоязычных монографиях, «изданных в 1944–1959 гг., термин “rule of law” встречается 32 раза, в работах, изданных в 1960–1975 гг., – 96 раз, в 1976–1991 гг. – 64 раза, в 1992–2007 гг. – 544 раза, в 2008–2020 гг. – 1120 раз»[3]. Представляется, что результатом такой активности стало увеличение энтропии в понимании верховенства права. В фундаментальной работе «Современные концепции верховенства права и правового государства...» обоснованно указано на существование вероятности бесконечного расширения перечня признаков верховенства права, который может насчитывать десятки компонентов (в частности, в Индексе верховенства права от World Justice Project таковых 47)[4].

---

[1] *Dicey A. V.* Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London: Macmillan & Co., Ltd., 1965.

[2] *Tamanaha B.* Z. On the Rule of Law: History, Politics, Theory. New York: Cambridge University Press, 2004. P. 3.

[3] *Аллалыев Р. М.* Идея верховенства права в англо-американской правовой традиции: критика слева // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 198.

[4] Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование: моногр. / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. И. Ковлера; ИЗиСП при Правительстве РФ. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 159.

Неудивительно, что сегодня научное знание о принципе верховенства права, говоря метафорически, представляет собой весьма пеструю картину, а точнее даже неправильный невыпуклый многогранник, число граней которого постоянно меняется. В одних научных и учебных изданиях доктрины верховенства права и правового государства признаются аналогичными, тогда как в других – различными по содержанию. С одной стороны, верховенство права есть принцип англо-американского права, а с другой – универсальная неделимая ценность, как указано, например, в Декларации о верховенстве права[5]. Одинаково ли содержание верховенства права в национальном и международном праве? Одни авторы утверждают, что в целом содержание этого принципа является определенным, тогда как другие не согласны с таким тезисом. Наконец, пожалуй, два важнейших аспекта обсуждения принципа верховенства права касаются его содержания и того, что понимается в данном случае под правом. Две наиболее влиятельные сегодня магистрали научного осмысления принципа верховенства права – это формальная, или «тонкая», и содержательная (материальная), или «толстая», теории. Каждое из этих направлений имеет многочисленные вариации. Сторонники «толстой» теории включают в содержание верховенства права защиту прав человека, справедливость, свободный рынок, разделение властей и другие ценности западных либеральных демократий конца XX века. При этом логического решения дилеммы «тонкой» и «толстой» теорий, на наш взгляд, нет. Далее, понимание права и его роли в жизни общества является неодинаковым в различных правовых системах. Отсюда следуют и разные ответы на вопросы, верховенство, собственно, чего, для чего и над чем призван обеспечить указанный принцип.

Представляется, что огромное число противоречащих друг другу научных публикаций и других документов, посвященных принципу верховенства права, создает информационный шум, в котором становится непросто, если вообще возможно, сориентироваться. Более того, возникает впечатление, что зачастую в современном политико-правовом дискурсе верховенство права стало популярным юридическим мемом и, осмелимся утверждать, иногда даже симулякром, то есть изображением без оригинала, репрезентацией того, чего на самом деле не существует. С точки зрения эпистемологического анархизма П. Фейерабенда принципы несоизмеримости и пролиферации теорий благотворны для науки, тогда как постулаты совместимости и единообразия сохраняют более старые, а не лучшие теории, а также ослабляют ее, науки, критическую силу[6]. Следует признать, что эпистемологический анархизм ученого отражает состояние дел в теориях верховенства права. Однако такой подход, по сути, отвергает стратегию научного познания, нацеленную на поиск истины и установление закономерностей. Поэтому, на наш взгляд, безудержная пролиферация теорий и интерпретаций верховенства права ведет к размытию нормативного ядра этого понятия.

[5] Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях: принята резолюцией 67/1 Ген. Ассамблеи от 24 сент. 2012 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ruleoflaw2012.shtml.

[6] *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ: Хранитель, 2007. С. 53.

Было бы разумно вернуться к нормативной сути верховенства права и предложить подход к нейтрализации информационного шума в этой сфере. Рациональным решением представляется выявление и репрезентация основных антиномий, в поле которых сегодня функционирует дискурс о верховенстве права. В самом общем виде под антиномией здесь понимается неизбежное противоречие суждений об одном и том же объекте, когда такие суждения имеют логически равноправное обоснование. Как отмечал В. Ф. Асмус, «диалектическая природа разума выражается, по Канту, еще и в том, что в попытках сверхфизического, или метаэмпирического, применения разум – при известных условиях – оказывается *антиномичным*, то есть с неумолимой необходимостью приходит к противоречиям, образует суждения, которые при ближайшем анализе оказываются равными по силе своего логического обоснования, но противоречащими и друг друга уничтожающими – по своему содержанию»[7]. В учении И. Канта антиномичным является не только чистый, но и практический разум, предметом познания которого выступает в том числе право. Вторую книгу «Критики практического разума» философ начинает с мысли: «Чистый разум, будем ли мы его рассматривать в спекулятивном или практическом применении, всегда имеет свою диалектику, так как он требует абсолютной целокупности условий для данного обусловленного»[8]. Говоря об антиномиях, Кант приводит пример с понятием высшего, которое содержит в себе двусмысленность: высшее может означать или верховное, или совершенное[9].

Таким образом, цель настоящей работы – выявление и теоретико-правовой разбор основных антиномий принципа верховенства права.

Логика осмысления и прояснения принципа верховенства права может быть различной, что иллюстрируется многими зарубежными и российскими исследованиями на эту тему. Основными ракурсами рассмотрения указанной проблемы видятся следующие: историко-правовой подход и анализ в контексте эволюции английского права; сравнительно-правовой анализ на материале выбранных правовых систем; сравнение доктрин *Rule of Law* и *Rechtsstaat*; анализ учений о верховенстве права XX – начала XXI века, и прежде всего сопоставление «тонкой» и «толстой» теорий; сравнение международного и национальных подходов к пониманию верховенства права. Вряд ли какой-то из этих аспектов заведомо предпочтителен. Поэтому и порядок обсуждения антиномий принципа верховенства права может быть вариативным. Но все же нельзя не начать с того, что первоначально принцип верховенства права – это результат развития права Англии (с XIII в.) и далее Великобритании (с XVIII в.). Использование термина *Rule of Law* и концептуализация соответствующей доктрины связываются с указанной выше работой А. В. Дайси (1885 г.). До Акта о конституционной реформе 2005 г. (Constitutional Reform Act 2005) этот термин не встречается в официальных юридических документах Великобритании[10]. Лорд Т. Бингхэм отмечает,

[7] *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант / ред. Я. А. Мильнер. М.: Наука, 1973. С. 256–257.

[8] *Кант И.* Сочинения: в 6 т. Т. 4, ч. 1 / [пер. с нем.: ред. и авт. вступ. ст. В. Ф. Асмус]. М.: Мысль, 1965. С. 437.

[9] Там же. С. 441.

[10] Современные концепции верховенства права и правового государства… С. 122.

что А. В. Дайси не вносил свой вклад в дело с чистого листа, но огромное влияние его книги привело к тому, что идеи верховенства права получили такое широкое распространение[11]. Судя по всему, термин *Rule of Law* использовался в английских судах и до работы А. В. Дайси. В частности, Т. Бингхэм приводит пример с судьей Блэкберном, который в 1866 году сказал: «Противоречит общему принципу верховенства права не только в этой стране, но и во всех других, заставлять человека судить в его собственном деле...»[12]

Как известно, А. В. Дайси раскрыл верховенство права через три компонента, и для дальнейшего анализа их целесообразно обозначить. Во-первых, верховенство права означает абсолютное верховенство или преобладание обычного права в противовес влиянию произвольной власти и исключает существование произвола, прерогативы или даже широкой дискреционной власти со стороны правительства. Иными словами, этот принцип контрастирует со всякой правительственной системой, основанной на применении широкой и произвольной принудительной власти. Во-вторых, верховенство права – это равенство перед законом, что означает, что ни один субъект не может стоять выше закона. В-третьих, верховенство права выражает тот факт, что конституционное право Великобритании является не источником, а следствием прав частных лиц, которые определяются и защищаются обычными судами (судами общего права), и что принципы частного права были распространены действиями судов и парламента настолько, что они определяют положение Короны и ее служащих[13]. Первые два компонента верховенства права отражают направленность идей А. В. Дайси против административной дискреции, которую он отождествлял с произволом. Третий компонент – концепт иного плана. Он показывает и обобщает специфику формирования английского права и потому не был включен в понятие верховенства права при его «экспорте» в международное и континентальное право, что отражено в том числе в пункте 10 Доклада о верховенстве права, принятого Венецианской комиссией: «Третья черта верховенства права, предложенная Дайси, не может быть принята в современном обществе...»[14] Как верно пишет К. М. Худолей, «для Дайси, как и для многих английских юристов, было характерно понимать право не как систему норм, содержащихся в нормативных актах, изданных королем или парламентом, но как стихийно сложившийся порядок отношений, основанный на традиционных вольностях подданных и обычаях, уходящих корнями в англосаксонский период»[15].

Идеи А. В. Дайси влияли на мышление судей Великобритании в течение длительного времени и, как заметил Т. Бингхэм, возможно, до сих пор влияют[16]. Однако

---

[11] *Bingham T.* The Rule of Law. London: Penguin Books, 2011. P. 13.

[12] Ibid.

[13] *Dicey A. V.* Op. cit. P. 202.

[14] Доклад о верховенстве права: принят на 86-й пленарной сессии Венецианской комиссии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.). URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus.

[15] *Худолей К. М.* Концепция верховенства права А. В. Дайси и ее значение // Ex jure. 2025. № 4. С. 129.

[16] *Bingham T.* Op. cit. P. 15.

в дальнейшем они столкнулись с резкой академической критикой, анализ которой останется за рамками этой статьи. По мере расширения дискуссии выдвигались все более и более противоречивые концепции, пока в конце XX века не наступил момент, когда некоторые ученые усомнились в том, имеет ли выражение *Rule of Law* вообще какой-либо смысл. Можно проиллюстрировать эту тенденцию решением Верховного Суда США по делу «Буш против Гора», которое касалось пересчета голосов в штате Флорида и определило победителя президентских выборов 2000 года. В этом деле каждая из сторон повсеместно апеллировал к верховенству права. Дж. Уолдрон резюмировал, что произнесение этих волшебных слов *Rule of Law* означает, по сути, не более чем «Ура нашей стороне»[17]. Кульминацией дела стало знаменитое особое мнение судьи Дж. Стивенса: «Хотя мы, возможно, никогда не узнаем с полной уверенностью, кто победил на президентских выборах этого года, личность проигравшего совершенно ясна. Это доверие нации к судье как к беспристрастному хранителю верховенства права»[18].

Итак, уже то немногое, что было здесь сказано о верховенстве права, позволяет заключить, что этот принцип в XX веке претерпел развитие и что взгляды на его счет весьма неоднородны. Поэтому обозначим первую антиномию принципа верховенства права, которая характеризует противоположность взглядов на наличие определенности и академического консенсуса в том, что представляет собой его содержание. От определенности понимания верховенства права в работе А. В. Дайси юридическое сообщество через сто лет пришло к неразберихе по данному вопросу. Б. Таманаха написал, что немногие государственные лидеры, выражающие поддержку верховенству права, немногие журналисты, использующие эту фразу, немногие диссиденты, подвергающие себя риску репрессий во имя этого идеала, и немногие из множества граждан во всем мире, верящих в него, когда-либо точно формулируют, что оно означает[19]. При этом у экспертов в области теории права, по словам автора, ситуация не лучше[20]. Еще афористичнее высказался Рональд Дворкин. На конференции Венецианской комиссии 2 марта 2012 года он заметил: «В самой сердцевине верховенства права существует парадокс. С одной стороны, этот принцип требует ясности и исключает двусмысленность права. Но двусмысленность существует в самом восприятии этого принципа. Имеются значительные разногласия по вопросу определения верховенства права»[21].

Список голосов скептиков можно было бы продолжить. Однако важнее показать и иную точку зрения. Она отражена как в официальных документах, так и во

[17] *Waldron J.* Is the Rule of Law an Essentially Contested Concept (In Florida)? // Law and Philosophy. 2002.Vol. 21, № 2. P. 141.

[18] *Waldron J.* Thoughtfulness and the Rule of Law. Massachusetts: Harvard University Press, 2023. P. 50.

[19] *Tamanaha B.* Z. Op. cit. P. 3.

[20] Ibid.

[21] *Шарандин Ю. А., Кравченко Д. В.* Верховенство права, Правовое государство и другие международные правовые доктрины: лингвистические аспекты конвергенции и разграничения // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 303.

мнениях авторитетных ученых. В пункте 35 Доклада о верховенстве права, принятого Венецианской комиссией, указано: «Если посмотреть на правовые инструменты, как национальные, так и международные, а также на работы ученых, судей и иных специалистов, то представляется, что ныне уже существует определенный консенсус в отношении основного значения понятия "верховенство права" и содержащихся в нем аспектов»[22]. В пункте 41 Доклада комиссии резюмировано, что в настоящее время можно найти консенсус в отношении необходимых составляющих верховенства права, которые будут не только формальными, но и материальными. Таких элементов шесть: 1) законность; 2) правовая определенность; 3) запрет на произвол; 4) доступ к правосудию, которое обеспечивается независимыми и беспристрастными судами; 5) соблюдение прав человека; 6) недискриминация и равенство перед законом[23]. Председатель Конституционного Суда РФ профессор В. Д. Зорькин, с одной стороны, отмечает, что международное юридическое сообщество сумело выработать консенсус по поводу принципов, которые должны лежать в основе правовой практики, реализующей идею верховенства права. Он разделяет точку зрения о четырех блоках этой идеи: «1) принципы, определяющие положение человека в государстве и обществе; 2) принципы надлежащей правовой процедуры; 3) принципы институциональной организации публичной политической власти; 4) принцип правовой определенности»[24]. С другой стороны, выше в той же работе В. Д. Зорькин пишет: «Между тем в настоящее время вряд ли можно говорить о наличии полноценной и общепризнанной доктрины верховенства права. Даже среди государств, относящихся к так называемым развитым демократиям, нет единства в доктринальной трактовке данной проблемы»[25].

Суждения В. Д. Зорькина могут показаться противоречивыми. Однако, на наш взгляд, многое зависит от того, с какой степенью детализации мы смотрим на верховенство права и насколько сильно редуцируем его идею. Если верховенство права свести или к формуле идеального права без произвола, или к требованию «связанности» всех законом, или даже к идее победы добра над злом, то, думается, с этим никто не будет спорить, однако ничего ценного и содержательного в такой редукции нет. Но как только в объяснении верховенства права появляются компоненты защиты прав человека, демократии, справедливости, экономической и политической стабильности, свободы международной торговли, так сразу же обнажается глубокий раскол между сторонниками и противниками включения этих ценностей в рассматриваемый принцип. Лорд Т. Бингхэм предложил такое объяснение сути верховенства права: «Все лица и власти в государстве, будь то публичные или частные, должны быть связаны и иметь право пользоваться законами, публично принятыми, относящимися (в целом) к будущему и публично исполняемыми в судах»[26]. Это мнение сегодня считается

[22] Доклад о верховенстве права... URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus.

[23] Там же.

[24] *Зорькин В. Д.* Цивилизация права: современный контекст // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5. С. 2–3.

[25] Там же. С. 2.

[26] *Bingham T.* Op. cit. P. 19.

одним из самых авторитетных по данному вопросу. Оно отражает суть формальной теории верховенства права. Однако далее автор заметил, что его формула не является исчерпывающей и что ее нельзя применять повсеместно без оговорок[27]. В своей работе Т. Бингхэм дополнил собственное определение верховенства права восемью элементами: 1) доступность права; 2) право, а не усмотрение; 3) равенство перед законом; 4) власть должна осуществляться в соответствии с законом, справедливо и разумно; 5) права человека должны быть защищены; 6) должны быть предоставлены средства для урегулирования споров без неоправданных издержек или отсрочек; 7) суды должны быть справедливыми; 8) государство должно соблюдать свои обязательства как в рамках международного, так и национального права[28]. Таким образом, Т. Бингхэма, включающего в верховенство права защиту прав человека, следует отнести к числу сторонников материальной теории. Согласимся с мнением Е. В. Скурко, что Т. Бингхэм старается придерживаться «срединного пути», поскольку он не доводит объяснение верховенства права до глубокой политизированности[29].

Из приведенных точек зрения, к которым можно было бы добавить и многие другие, следует эпистемологическая закономерность: сторонниками наличия академического консенсуса в понимании сути верховенства права обычно являются ученые или институты, разделяющие «толстую» теорию, то есть как раз ту, которая более неоднозначна. Эта закономерность не объясняется тем, что сторонники материальной теории дают слишком обобщенную картину или плохо разбираются в деталях доктрины верховенства права. На наш взгляд, этот парадокс может быть объяснен гораздо проще: некоторые адепты «толстой» теории в своих суждениях недостаточно четко разграничивают сущее и должное.

С антиномией наличия академического консенсуса в понимании верховенства права тесно связана противоположность взглядов относительно соотношения доктрин верховенства права и правового государства. Чем более обобщены суждения по данному вопросу, тем ярче видна тенденция отождествлять эти доктрины. Неудивительно, что мы наблюдаем ее прежде всего в учебных изданиях. Так, А. В. Поляков называет доктрину *Rule of Law* несколько иной концепцией правового государства (*Rechtsstaat*), сложившейся в англоязычной теории[30]. М. Н. Марченко определяет Великобританию как «правовое государство (государство “господства права”)»[31]. С. Ю. Марочкин верно пишет, что «учебники по теории права рассматривают данный принцип в основном только в контексте правового государства»[32]. В научной литературе можно встретить похожие взгляды. Так, Д. И. Дедов, говоря о верховенстве права,

---

[27] *Bingham T.* Op. cit. P. 19.

[28] Ibid.

[29] *Скурко Е. В.* Принцип верховенства права: некоторые проблемы теории и практики // Гражданин и право. 2015. № 1. С. 20.

[30] *Поляков А. В.* Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 572.

[31] *Марченко М. Н.* Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. С. 208.

[32] *Марочкин С. Ю.* Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10. С. 86.

заключает: «Не боюсь ошибиться, если скажу, что доктрина правового государства означает примерно то же самое. Как обычно случается, две различные правовые системы (англо-саксонская и континентальная), называя по-разному правовые доктрины, тем не менее движутся в своем развитии в одинаковом направлении, в направлении недопущения злоупотребления властью и произвола, ограниченности политики сиюминутными краткосрочными интересами»[33]. Действительно, если рассматривать эти доктрины на уровне, так сказать, их генерального целеполагания, то обе они задают вектор движения в направлении недопущения злоупотребления властью. По всей видимости, именно в таком контексте рассуждает С. Коваль, когда пишет, что *Rule of Law* имеет аналоги в немецком (*Rechtsstaat*) и русском («правовое государство») языках[34].

Более детальное изучение доктрин верховенства права и правового государства в семантическом, историко-правовом, сравнительно-правовом, конституционно-правовом контекстах позволяет нам и многим авторам утверждать, что между ними много существенных различий. Прежде всего, доктрина правового государства, что видно даже из семантики этого выражения, сосредоточена на природе государства, а не права. Как замечает М. Крайгир, «понятие “государство” вообще не является частью английской конституционной юриспруденции»[35]. П. Д. Баренбойм удачно выразился, что «у доктрины верховенства права есть “отец-основатель” – англичанин Дайси, у доктрины правового государства имеется просто “отец” – Иммануил Кант. <...> Доктрина Дайси сформулирована для Англии и малоприменима в других странах, особенно тех, где действует неанглосаксонская правовая система. <...> Конституционное право создается, по Дайси, решениями судов, что никак не сочетается с подробными писаными конституциями как основополагающими источниками конституционного права подавляющего большинства стран остального неанглоязычного мира»[36].

Специфика правовой системы Великобритании хорошо изучена в науке. Поэтому следует пойти дальше и сделать вывод, что было бы не совсем корректно сравнивать *Rule of Law* и *Rechtsstaat* или его французскую версию *état de droit* как таковые, поскольку каждая из них имеет ряд редакций и вариаций. И. Ю. Козлихин верно подчеркивает, что «в юридической науке никогда не существовало и не существует единой общепризнанной концепции правового государства. Она может обосновываться и разрабатываться с разных мировоззренческих позиций, в рамках различных типов правопонимания, отражать реалии различных национальных полити-

[33] *Дедов Д. И.* Доктрины верховенства права и правового государства как методология философии права // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 261.

[34] *Коваль С.* Современные споры о содержании понятия «верховенство права» // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24, № 3. С. 311.

[35] *Крайгир М.* Верховенство права (и Rechtsstaat) / [пер. с англ. Б. Мещерякова] // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 473.

[36] *Баренбойм П. Д.* Соотношение доктрин Верховенства права и Правового государства как главный вопрос философии права и конституционализма. М.: ЛУМ, 2013. С. 13.

ческих и правовых систем и т.д.»[37]. Например, в эволюции германской правовой мысли П. Тидеманн выделяет четыре концепции правового государства: 1) формальное *Rechtsstaat*; 2) материальное *Rechtsstaat*; 3) социальное *Rechtsstaat*; 4) «зеленое *Rechtsstaat*»[38].

Примечательно также то, что сегодня сравнение этих доктрин в их актуальном состоянии уже не вопрос сопоставления однопорядковых величин. Принцип верховенства права получил общемировое признание, а принцип правового государства нет. Причины такой асимметрии – это отдельный вопрос. Но факт остается фактом: международное право и правопорядки, относящиеся к континентальной и смешанной правовым семьям, охотно заимствовали доктрину верховенства права и продолжают ее развивать. Все это, несомненно, усложняет поиск истины в ответе на вопрос о соотношении верховенства права и правового государства, например, в правовой системе России. Конституционный Суд РФ в своих актах ссылается на оба принципа. При этом, на наш взгляд, последовательности соответствующих рассуждений и определенности содержания принципа верховенства права пока в практике Конституционного Суда недостаточно.

Итак, сравнение доктрин верховенства права и правового государства, по нашему убеждению, всегда следует сопровождать пояснениями, какие их версии подлежат сопоставлению, с какой степенью детализации, в каком контексте и с какой целью проводится исследование. И не исключено, что при таком детальном сравнении некоторые произвольно выбранные доктринальные версии *Rule of Law* и *Rechtsstaat*, особенно если их изъять из контекста, окажутся тождественными.

Переходя от антиномии взглядов на соотношение верховенства права и правового государства к противоречию понимания верховенства права в международном праве, обратим внимание на проблему перевода выражения *Rule of Law* на другие языки. До 2007 года в Совете Европы ей не уделялось особого внимания. В Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1594 от 23 ноября 2007 г. отмечается, что различия в терминологии и понимании термина *Rule of Law* вызвало путаницу и внутри Совета Европы, и в его государствах-членах. Так, французский термин *état de droit*, являющийся переводом термина *Rechtsstaat*, часто используется как аналог англоязычного термина *Rule of Law*, но не всегда соответствует его содержанию. Гораздо более адекватно здесь выражение *prééminence du droit*, закрепленное, например, в преамбуле франкоязычного текста Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[39]. С тех пор в рамках Совета Европы с различием терминов *Rule of Law* и *état de droit* стало все в порядке, чего нельзя сказать о документах, принятых в рамках ООН. Ю. А. Шарандин и Д. В. Кравченко показывают, что во французском и испанском текстах Декларации Совещания на высоком уровне Генеральной

[37] *Козлихин И. Ю.* Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012. С. 7.

[38] *Тидеманн П.* Принцип Rechtsstaat в Германии / [пер. Е. Мишиной] // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 274.

[39] The Principle of the Rule of Law. Resolution of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe № 1594 (2007). URL: https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17613&lang=en.

Ассамблеи о верховенстве права на национальном и международном уровнях выражение *Rule of Law* было трансформировано в аналоги *Rechsstaat*: *état de droit* и *estado de derecho* соответственно[40].

Впервые в международном праве выражение *Rule of Law* было закреплено в параграфе 3 преамбулы Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.[41] И при переводе английского текста на французский и русский языки без некоторой метаморфозы не обошлось. Во франкоязычном тексте Декларации «верховенство права» было переведено странным и многозначным выражением *régime de droit*[42], которое может означать и «правовой режим», и «правовая система». В 2004 году также была допущена концептуальная ошибка, когда во франкоязычной версии доклада Генерального секретаря ООН о верховенстве права *Rule of Law* было передано через *état de droit* (правовое государство)[43].

В русскоязычном тексте Всеобщей декларации прав человека вместо выражения «верховенство права» дается неточный перевод «власть закона»: «...принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения»[44]. Понятно, что в 1948 году Советский Союз был не готов использовать в русскоязычных текстах международных документов такого уровня термин «верховенство права». Однако ошибки в переводе можно наблюдать и сегодня. Так, в русскоязычном тексте классической монографии Фридриха Августа фон Хайека “The Road to Serfdom” («Дорога к рабству»)[45] название главы 6 “Planning and the Rule of Law” переведено как «План и закон», а выражение *Rule of Law* в тексте ошибочно передается через «правозаконность»[46].

Сегодня в России принцип верховенства права официально закреплен в Указе Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». В пункте 18 Концепции установлены девять принципов системы международных отношений, среди которых названо верховенство международного права в регулировании международных отношений, отказ всех государств от политики двойных стандартов. Однако в пункте 20 речь идет уже не о верховенстве международного права, а о верховенстве права в международных отношениях.

---

[40] *Шарандин Ю. А., Кравченко Д. В.* Указ. соч. С. 309–310.

[41] Universal Declaration of Human Rights. URL: https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights.

[42] Déclaration universelle des droits de l'homme. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/UDHR/Documents/UDHR_Translations/frn.pdf.

[43] Rétablissement de l’état de droit et administration de la justice pendant la période de transition dans les sociétés en proie à un conflit ou sortant d’un conflit: Rapport du Secrétaire general (S/2004/616). URL: https://digitallibrary.un.org/record/527647/files/S_2004_616-FR.pdf.

[44] Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

[45] *Hayek F. A.* The Road to Serfdom. London: Routledge, 1944.

[46] *Хайек Ф.* Дорога к рабству / [пер. с англ. М. Гнедовского]. М.: АСТ, 2017.

В документах ООН, посвященных верховенству права и принятых в начале XXI века, о верховенстве права говорится весьма противоречиво. Глубокий анализ этого вопроса представлен в монографии профессора А. Н. Савенкова[47]. Его выводы таковы. Во-первых, по сравнению с первоначальной концепцией верховенства права наблюдается постепенное расширение значения этого понятия. Однако «принцип верховенства права, выдвинутый Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности, остается довольно расплывчатым и неопределенным»[48]. Во-вторых, для основателей ООН верховенство права в международных делах в целом было аналогичным верховенству международного права, то есть добросовестному соблюдению государствами международного права. Сегодня верховенство права в международном контексте приобрело более широкий смысл, вышедший за рамки международного права как системы обязательных норм. «Эта относительная эмансипация концепции верховенства права от международного права в строгом смысле, – пишет ученый, – отражена в формуле “международный (мировой) порядок, основанный на верховенстве права и международном праве”»[49]. Заметим, что это различие отражено в пункте 22 Концепции внешней политики РФ: «Дальнейшее продвижение концепции миропорядка, основанного на правилах, чревато разрушением международно-правовой системы и другими опасными последствиями для человечества». В-третьих, как отмечает А. Н. Савенков, верховенство права первоначально было адресовано только государствам, но в Декларации о верховенстве права 2012 года признается, что верховенство права применяется в равной степени ко всем государствам и международным организациям, включая ООН и ее главные органы[50].

Несомненно, что принцип верховенства права – это не застывшая идея, а доктрина, развивающаяся как на национальном, так и на международном уровне. Однако развитие не должно исключать преемственности и последовательности, особенно применительно к таким ключевым актам, как Всеобщая декларация прав человека. В Декларации верховенство права понимается в формальном духе, поскольку права человека обозначены как внешнее по отношению к нему явление (права человека должны охраняться верховенством права). В Докладе Генерального секретаря 2004 года отражено весьма объемное определение верховенства права, которое можно охарактеризовать как следование «толстой» теории. В пункте 6 верховенство права раскрыто как принцип управления, «в соответствии с которым все лица, учреждения и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека»[51]. Далее названы следующие элементы этого принципа: примат права, равенство перед законом,

[47] *Савенков А. Н.* Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: моногр.: в 3 т. Т. III. М.: Наука, 2021.

[48] Там же. С. 508.

[49] Там же. С. 507.

[50] Там же. С. 507–508.

[51] The Rule of Law and Transitional Justice in Conflict and Post-Conflict Societies: Report of the Secretary-General (S/2004/616). URL: https://digitallibrary.un.org/record/527647?v=pdf.

ответственность перед законом, беспристрастное применение законов, разделение властей, участие в принятии решений, правовая определенность, недопущение произвола, процессуальная и правовая транспарентность. В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. нет определения верховенства права, но права́ человека, верховенство права и демократия декларируются в духе формальной теории как однопорядковые универсальные ценности ООН (п. 119)[52]. Такой же тезис зафиксирован в пункте 5 Декларации о верховенстве права 2012 г.[53] Однако в пункте 41 Декларации верховенство права помещено в максимально широкий контекст и непосредственно увязано со всеми тремя основными направлениями деятельности ООН (мир и безопасность, права человека и развитие).

Наконец, следует остановиться на самой актуальной и непростой антиномии принципа верховенства права. Это противоречие не раз уже упоминалось выше. Речь идет о противостоянии «тонкой» (формальной) и «толстой» (материальной) теорий. Сторонники первой теории характеризуют верховенство права через формальные свойства законов и правовых институтов. По мнению последователей материальной теории, верховенство права – это более широкая концепция идеального общества, включающая в себя, кроме формальных компонентов, также какой-либо из указанных элементов, их все либо еще и другие: демократическое государство, разделение властей, защиту прав человека, справедливость, рыночную экономику.

Пожалуй, самым известным и авторитетным адептом формальной теории является Дж. Раз. Он пишет, что буквальное значение «верховенства права» включает два аспекта: 1) люди должны руководствоваться правом и подчиняться ему; 2) право должно быть таким, чтобы люди были в состоянии им руководствоваться[54]. При этом Дж. Раза больше интересует именно второй аспект: «Право должно быть таким, чтобы ему можно было подчиняться»[55]. Сам ученый описывает свою концепцию как формальную: «Очевидно, что такая концепция верховенства права является формальной. Она никак не объясняет, каким образом должно создаваться право: тиранами, демократическим большинством или как-то еще. Она ничего не говорит об основополагающих правах, о равенстве или о справедливости»[56]. Дж. Раз не считает свою концепцию лишенной содержания. Он раскрывает ее через восемь, по его мнению, наиболее важных элементов:

1. Все законы должны быть перспективно ориентированными, открытыми и ясными.

2. Законы должны быть относительно стабильными. Их не следует изменять слишком часто.

---

[52] Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года: принят резолюцией 60/1 Ген. Ассамблеи от 16 сент. 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-60-1.

[53] Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях... URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ruleoflaw2012.shtml.

[54] *Раз Дж.* Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. С. 357–358.

[55] Там же. С. 358.

[56] Там же.

3. Создание индивидуальных законов (индивидуальных правовых актов) должно регулироваться открытыми, ясными и общими правилами.

4. Необходимо гарантировать независимость судебных органов.

5. Необходимо соблюдать принципы естественной справедливости (открытые и честные слушания, отсутствие предвзятости и т.п.).

6. Суды должны обладать полномочиями надзора за реализацией прочих принципов.

7. Суды должны быть легко доступны.

8. Право не должно искажаться произволом правоохранительных органов[57].

Хотя воззрения Дж. Раза и А. В. Дайси на верховенство права относятся к формальной теории, налицо существенная разница между ними. Сам Дж. Раз, заметим, считал теорию А. В. Дайси неудачной[58]. Благодаря работам Дж. Раза мы знаем, когда в научном дискурсе «зажигается звезда» материальной теории верховенства права. «Нередко случается так, – пишет ученый, – что, когда политический идеал захватывает умы большого количества людей, приверженцы этого идеала начинают использовать его в качестве лозунга в значении, не имеющем почти никакого отношения к исходному значению... В 1959 году Международный конгресс юристов, проходивший в Нью-Дели, официально благословил аналогичное искажение доктрины верховенства права»[59]. В докладе этого конгресса указывается, что «функция законодательных органов в свободном обществе при верховенстве права состоит в том, чтобы создавать и поддерживать условия, которые будут утверждать достоинство человека как личности. Это требует не только признания его гражданских и политических прав, но и создания социальных, экономических, образовательных и культурных условий, необходимых для полноценного развития его личности»[60]. Как заметил Дж. Раз, далее в докладе упоминается практически каждый политический идеал, пользовавшийся поддержкой в той или иной части мира в послевоенные годы[61]. Дж. Уолдрон верно полагает: «Как только мы допустим возможность того, что верховенство права имеет содержательное измерение, а не только представляет собой набор формальных и процедурных принципов, мы положим начало некоему соревнованию, когда каждый потребует, чтобы его излюбленная ценность, его излюбленный политический идеал был бы инкорпорирован в качестве содержательного измерения верховенства права»[62].

С тех пор и до настоящего времени «толстая» теория верховенства права находит все больше и больше сторонников, каждый из которых наполняет эту столь привлекательную оболочку нехитрым набором западных либерально-демократических ценностей. Например, Р. М. Аллалыев говорит о следующих показателях типологии материальной (сущностной) теории верховенства права: «охраняемое верховенство

[57] *Раз Дж.* Указ. соч. С. 359–364.
[58] Там же. С. 365.
[59] Там же. С. 353.
[60] Там же.
[61] Там же.
[62] *Уолдрон Дж.* Верховенство права и мера собственности / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 63.

права (наличие разделения властей и системы сдержек и противовесов); либеральное верховенство права (защита естественных прав); демократическое верховенство права (защита политических прав); социал-демократическое верховенство права (защита социальных прав)»[63]. Общим содержанием «тонкой» и «толстой» теорий верховенства права является нормативно-правовое и процедурное содержание. Дополнительно «толстая» теория включает в себя различные компоненты. Представляется, что их условно можно разделить на такие типы: институциональные (разделение властей, демократия); гуманитарные (защита прав человека и человеческого достоинства); ценностные (справедливость, свобода); экономические (свободный рынок, свобода международной торговли, экономическая стабильность).

Выбор между формальной и материальной теорией – это, на наш взгляд, обычно ценностное и зачастую идеологическое, а не рациональное решение. Но следование «тонкой» теории отнюдь не всегда означает непризнание указанных политико-правовых идеалов или отказ от борьбы за право, справедливость или демократию. В конечном счете рассматриваемая антиномия (а эта антиномия есть упрощение картины мира верховенства права) не заставляет нас быть категоричными и следовать какой-либо из крайних версий. М. Крайгир верно пишет, что «дихотомия между скудной и формальной “худобой”, с одной стороны, и “пышным тортом” из всего, что мы хотели бы иметь в идеальном обществе, – с другой, совсем не исчерпывает данного поля. Существует пространство для ценностей, особо связанных с отправлением власти, которые вполне можно было бы назвать отчетливо *правовыми* ценностями, если бы не тот факт, что различия между ними и другими ценностями вряд ли так уж принципиальны и заключаются, скорее, в глубине своих акцентов и оттенков»[64].

Подведем итоги исследования. Верховенство права – это эволюционирующая доктрина, сформировавшаяся в Англии и получившая общемировое распространение во второй половине XX века. Сегодня искать истинное содержание этого принципа в работах А. В. Дайси было бы аналогично тому, как если бы мы искали правильную форму демократии и апеллировали к афинской демократии V века до н.э. В настоящем исследовании выявлены и раскрыты основные антиномии принципа верховенства права. Некоторые из них удалось разрешить, тогда как для разрешения других требуются самостоятельные исследования.

Первая антиномия характеризует противоположность взглядов на наличие определенности и академического консенсуса в том, что представляет собой содержание верховенства права. По нашему убеждению, такого консенсуса сегодня нет. Однако многое зависит от того, с какой степенью детализации мы смотрим на верховенство права и насколько сильно редуцируем его идею. Если верховенство права свести к формуле идеального права без произвола, то вряд ли кто-то будет это оспаривать, но и содержания после такой редукции почти не остается. Исследование позволило выявить эпистемологическую закономерность: сторонниками наличия ака-

[63] *Аллалыев Р. М.* Критика формальных концепций верховенства права // Экономика. Право. Общество. 2018. № 4 (16). С. 90.
[64] *Крайгир М.* Указ. соч. С. 483.

демического консенсуса в понимании сути верховенства права обычно являются ученые или институты, разделяющие «толстую» теорию, то есть как раз ту, которая более неоднозначна.

Анализ антиномии взглядов относительно соотношения доктрин верховенства права и правового государства показывает, что чем более обобщенными являются суждения по данному вопросу, тем ярче видна тенденция к отождествлению этих доктрин. Сравнивать доктрины *Rule of Law* и *Rechtsstaat* как таковые было бы не совсем корректно, поскольку каждая из них имеет ряд редакций и вариаций. Поэтому соответствующее сравнение следует сопровождать пояснениями, какие версии теорий подлежат сопоставлению, с какой степенью детализации, в каком контексте и с какой целью проводится исследование.

Противоречивость понимания верховенства права в международном праве отражается в некорректности переводов выражения *Rule of Law* на другие языки. Во франкоязычном тексте Всеобщей декларации прав человека *Rule of Law* было переведено многозначным выражением *régime de droit*. В 2004 году также была допущена концептуальная ошибка, когда во франкоязычной версии Доклада Генерального секретаря ООН о верховенстве права *Rule of Law* было передано через *état de droit* (правовое государство). В русскоязычном тексте Всеобщей декларации прав человека *Rule of Law* неточно переведено как «власть закона».

В документах ООН, посвященных верховенству права и принятых в начале XXI века, о верховенстве права говорится весьма противоречиво. Во Всеобщей декларации прав человека верховенство права понимается в формальном духе, поскольку права человека обозначены как внешнее по отношению к нему явление (права человека должны охраняться верховенством права). В Докладе Генерального секретаря ООН 2004 года отражено весьма объемное определение верховенства права, которое можно охарактеризовать как следование «толстой» теории. В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года права человека, верховенство права и демократия декларируются в духе формальной теории как однопорядковые универсальные ценности ООН. Такой же тезис зафиксирован в пункте 5 Декларации о верховенстве права 2012 г. Однако в пункте 41 Декларации верховенство права помещено в максимально широкий контекст и непосредственно увязано со всеми тремя основными направлениями деятельности ООН (мир и безопасность, права человека и развитие).

Самой актуальной и непростой антиномией принципа верховенства права является противостояние «тонкой» (формальной) и «толстой» (материальной) теорий. Выбор между ними – это обычно ценностное и зачастую идеологическое, а не рациональное решение. Следование «тонкой» теории отнюдь не всегда означает непризнание политико-правовых идеалов защиты прав человека, демократии, разделения властей, справедливости или отказ от борьбы за них. В конечном счете рассматриваемая антиномия верховенства права не предопределяет категоричный выбор в пользу какой-либо из крайних версий.

Библиографический список

Аллалыев Р. М. Идея верховенства права в англо-американской правовой традиции: критика слева // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 197–204. DOI: 10.24158/tipor.2026.1.24.

Аллалыев Р. М. Критика формальных концепций верховенства права // Экономика. Право. Общество. 2018. № 4 (16). С. 87–91.

Асмус В. Ф. Иммануил Кант / ред. Я. А. Мильнер. М.: Наука, 1973.

Баренбойм П. Д. Соотношение доктрин Верховенства права и Правового государства как главный вопрос философии права и конституционализма. М.: ЛУМ, 2013.

Дедов Д. И. Доктрины верховенства права и правового государства как методология философии права // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 260–271.

Зорькин В. Д. Цивилизация права: современный контекст // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5. С. 1–15.

Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4, ч. 1 / [пер. с нем., ред. и авт. вступ. ст. В. Ф. Асмус]. М.: Мысль, 1965.

Коваль С. Современные споры о содержании понятия «верховенство права» // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24, № 3. С. 309–327. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-3-309-327.

Козлихин И. Ю. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012.

Крайгир М. Верховенство права (и Rechtsstaat) / [пер. Б. Мещеряковой] // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 470–491.

Марочкин С. Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10. С. 85–94.

Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учеб. пособие. М.: Проспект, 2015.

Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.

Савенков А. Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: моногр.: в 3 т. Т. III. М.: Наука, 2021.

Скурко Е. В. Принцип верховенства права: некоторые проблемы теории и практики // Гражданин и право. 2015. № 1. С. 16–22.

Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование: моногр. / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. И. Ковлера; ИЗиСП при Правительстве РФ. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025.

Тидеманн П. Принцип Rechtsstaat в Германии / [пер. Е. Мишиной] // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 272–302.

Уолдрон Дж. Верховенство права и мера собственности / пер. с англ. И. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ: Хранитель, 2007.

Хайек Ф. Дорога к рабству / [пер. с англ. М. Гнедовского]. М.: АСТ, 2017.

Худолей К. М. Концепция верховенства права А. В. Дайси и ее значение // Ex jure. 2025. № 4. С. 114–134. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-4-114-134.

Шарандин Ю. А., Кравченко Д. В. Верховенство права, Правовое государство и другие международные правовые доктрины: лингвистические аспекты конвергенции и разграничения // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 303–311.

Bingham T. The Rule of Law. London: Penguin Books, 2011.

Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London: Macmillan & Co., Ltd., 1965.

Hayek F. A. The Road to Serfdom. London: Routledge, 1944.

Tamanaha B. Z. On the Rule of Law: History, Politics, Theory. New York: Cambridge University Press, 2004.

Waldron J. Is the Rule of Law an Essentially Contested Concept (In Florida)? // Law and Philosophy. 2002.Vol. 21, № 2. Pp. 137–164.

Waldron J. Thoughtfulness and the Rule of Law. Massachusetts: Harvard University Press, 2023.

Ex jure

Информация для цитирования

Матвеев А. Г. Основные антиномии принципа верховенства права // Ex jure. 2026. № 4. С. 40–58. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-4-40-58. EDN POJSGK

Matveev A. G. The Fundamental Antinomies of the Principle of the Rule of Law. *Ex jure.* 2026. № 4. Pp. 40–58. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-4-40-58. EDN POJSGK